

3. Волчкова Л.Т. Пропорции и темпы социального развития: теория и методология макропланирования // Докт.дис. СПб.: Питер, 1993. 438 с.
4. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб.: Питер, 1912., Вып.4. 112 с.
5. Кравченко А.И. Тюрина И.О. Социология управления // Академический проект. Москва, 2005. 1136 с.
6. Социология экономики и управления: Сб. статей / Под ред. Л.Т. Волчковой. СПб.: Питер, 1998. 170 с.
7. Рубцова М.В. Санина А.Г. Государственная идентичность как фактор управляемости современным обществом // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012. №3. С. 56 – 96.
8. Спенсер Г. Основания социологии. СПб, 1898. 332с.
9. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен / Под редакцией: Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М., 1984. 300 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА В СОЦИОЛОГИИ

Е.В. Лебедева

*Белорусский государственный университет
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
Elena_lebedeva_bsu@tut.by*

Статья посвящена анализу города в русле современных социологических теорий. Рассматриваются существующие подходы к урбанизации с акцентом на её социокультурные аспекты, рассматривается понятие урбанистической цивилизации. Выделяются отдельные этапы социокультурной эволюции городской среды, даётся их краткая характеристика. Описываются особенности среды современного города (на примере Минска). Исходя из выявленных тенденций развития городской среды систематизируется предметная область современной городской социологии, её ключевые темы и направления (публичное пространство, городские сообщества, поворот к материальному).

Ключевые слова: *урбанизация; городская среда; городская социология; социокультурная эволюция города; публичное пространство; локальные сообщества; «поворот к материальному».*

Термин «урбанизация» традиционно связывался с ростом городов, преимущественно через призму создания и развития производственных комплексов. По мере активизации урбанизационных процессов, к ним

стали проявлять повышенный интерес исследователи в области географии, а позже экономики, политологии и социологии. Урбанизация в современной социологической науке представляет собой междисциплинарное предметное поле. Развитие городов рассматривается и в экономическом ключе (как процесс территориального разделения труда, социального расслоения, накопления социального капитала и пр.), и в демографическом (как повышение удельного веса городского населения в стране, регионе или мире), и в политологическом (как процесс перераспределения власти, формирования новых политических центров, появления новых политических символов), и в философском (как становление урбанистической цивилизации), и в социально-культурном (как распространение городского образа жизни, развитие городской культуры, возрастающая роль городов в социальной жизни, формирование личности горожанина и пр.). Таким образом, урбанизация в социологии представляется как совокупность определённых процессов, которые, оказывая влияние на политические, культурные аспекты общества, значительно преобразуют его социально-экономическую и демографическую структуру. В.М. Савченкова [1, с. 11] отмечает, что в научном осмыслении урбанизации как глобального социального процесса важность представляет анализ влияния на неё масштабных социальных явлений: интенсификации, концентрации производства, изменения отраслевых и территориальных пропорций, структуры занятости, социальной мобильности, и миграции. Известный российский урбанист В.Л. Глазычев [2] выделяет три направления, на которых современная урбанистика концентрирует свое внимание: это, во-первых, внешняя форма города, его структура, архитектура, планировка; во-вторых, проблемы городской инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, городской мобильности, качество жизни в городе; в-третьих, городскую социальность (насколько горожане вовлечены в процесс городского планирования, социальные связи, социальный капитал, сообщества, доверие и пр.). Основатель советской экономической географии Н.Н. Баранский предложил определение урбанизации, как «сложного, многостороннего, географического, социального, экономического и демографического процесса, который стимулирует прогрессирование населения города» [3, с. 4-5]. Несмотря на комплексность определения, один вопрос остаётся открытым – каковы критерии «прогрессирования городского населения»? Должны ли это быть количественные критерии (например, доля населения, проживающие в городах, плотность городского населения), качественные

критерии (возраст, уровень образования, ценности, мировоззрение горожан), или вовсе, критерии, связанные с качеством жизни в городах (в таком случае определение урбанизации могло бы звучать как процесс повышения качества городской среды). Сложность заключается в том, что урбогенез (процесс возникновения и формирования города) оценивается чаще всего в количественных параметрах (численность населения, занимаемая площадь, производимая доля ВВП, объём выбросов в атмосферу, протяжённость цифровой инфраструктуры и пр.) и не отражает тех качественных трансформаций, происходящих в современных городах. Для более полного рассмотрения социокультурной эволюции городской среды необходимо ввести понятие урбанистической цивилизации. К ключевым чертам урбанистической цивилизации относят значительное превышение численности городского населения над сельским; усиление поляризации (дифференциации) городов; распространение агломераций, их быстрое слияние; формирование мегалополисов – урбанизированных зон, включающих обширные территории; превращение города в мощный информационный центр [4]. В городах концентрируются производственные, финансовые и управленческие организации (территориальная концентрация глобального контроля). Американский политолог Ирвинг Кристал определяет урбанистическую цивилизацию как нечто совершенно новое, чему не было прецедентов в прошлой истории человечества – «когда городская культура становится всеобщей культурой, когда городской образ мысли и образ жизни становятся всеобщей ментальностью и всеобщим стилем существования» [5, с.22]. При этом Кристал отмечает двойственность этого процесса – он может протекать как «во имя зла», так и «во имя добра».

В Беларуси основные изменения в городском расселении происходили во второй половине XX века, когда число городских поселений выросло со 173 в 1939 г. до 212 в 1999 г, а доля городского населения в общей численности жителей увеличилась с 21 до 69 % [6]. Характерными чертами урбанизации в Беларуси, стали искусственное увеличение числа городов, запаздывание качественных перемен по сравнению с количественными, взаимная зависимость роста и развития городов, слабая выраженность процесса агломерирования. Отчасти это объясняется тем, что ведущую роль в росте городов и городского населения Беларуси сыграла индустриализация (высокие темпы развития промышленности в послевоенный период), которая привела к постепенной концентрации населения в больших городах. Различные темпы экономического развития способствовали

пространственно-временной дифференциации урбанизационных процессов на территории страны. Концентрация населения в больших городах свидетельствует о начале перехода от экстенсивного пути развития урбанизации к интенсивному, когда определяющими становятся не количественные, а качественные ее параметры, связанные в первую очередь с развитием городской среды и распространением городского образа жизни.

Городскую среду можно обозначить как своего рода культурный срез, единство культурных форм, представленных как в физическом, так и в социальном выражении. Безусловно, каждый регион и каждый город обладает своим уникальным культурным срезом (поскольку представляет собой неповторимую «смесь» различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов и т.п.). Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты городской среды, сформированной под воздействием общих внешних факторов. Рассмотрим социокультурную эволюцию среды белорусских городов.

Как нам представляется, типичный белорусский город «в разрезе» представлен тремя совершенно самостоятельными культурными сферами:

1. советская сфера (архитектурный модернизм, соединённый с исторической спецификой урбанизации – переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленную роль города и т.п.);
2. переходная сфера (результат трансформации, сначала политической и экономической, а затем и культурной);
3. сфера культурного взаимодействия (получившийся синтез культур прародительниц – советской и западноевропейской – имеющий свои уникальные черты, не свойственные первым двум сферам).

Произошедшие после падения советской системы перемены кардинальным образом преобразили облик советских городов, наделив их таким западноевропейскими элементами инфраструктуры как деловые районы, торговые и пешеходные улицы, торгово-развлекательные центры. Постепенно запускались процессы приватизации и коммерциализации городского публичного пространства, социо-экономической поляризации общества (в том числе, маргинализации его отдельных элементов), произошли значительные изменения в системе ценностных ориентаций горожан. В результате смены экономической базы городская идентичность начала формироваться вокруг процессов потребления (а не производства, как было раньше). Последствия влияния вышеуказанных процессов на городскую среду были крайне негативными: пришли в упадок городские

сообщества (в первую очередь, соседские), способность горожан к самоорганизации на местном уровне значительно снизилась, а публичное пространство из «социального смесителя» и «сцены для социального взаимодействия» превратилось в «гигантский экран, на который проецируются частные заботы, место, где публично разглашаются частные тайны и интимная жизнь» [7, с.48]. Горожанин, превратившись в пассивного потребителя городской среды, практически утратил возможность участвовать в процессе ее производства, что, в свою очередь, привело к росту отчуждения и равнодушию к своему окружению. Однако в последние годы социокультурная среда белорусских городов приобретает новые черты – наблюдается рост количества соседских чатов в социальных сетях и мессенджерах, возвращаются традиции дворовых праздников, чаепитий и субботников, отмечаются примеры успешной борьбы жителей двора за «свою» территорию (сквер, детскую площадку и пр.). Горожане всё чаще пытаются приобрести субъектность, «стать видимыми», заставить городских управленцев прислушаться к мнению «обычного человека». На этом основании можно выделить ключевые темы, которые составляют предмет современной городской социологии.

Прежде всего, это городское публичное пространство, как один из ключевых структурообразующих элементов городской среды. Предлагаются две основные трактовки значения публичного пространства для функционирования и развития города. В рамках первой группы подходов термин «публичное пространство» приобретает определенный политический оттенок и, как правило, употребляется в контексте борьбы за «право на город», выработки различных политических решений, решения общественно значимых вопросов и заботе об общих ресурсах («urban commons»). Исследовательский ракурс здесь концентрируется на соотношении субъектов, участвующих в «производстве» городской среды (как правило, это государство, бизнес и локальные сообщества), а также на возможностях местного самоуправления и низового лидерства. Городская среда в таком случае представляется как важнейший ресурс формирования гражданского общества, развития институционального доверия, преодоления коммуникативных разрывов как в пространстве горизонтального, так и вертикального взаимодействия.

Вторая группа подходов рассматривает публичность как «социабельность» (sociability) — способность к осуществлению социального взаимодействия, социальной жизни. В таком ракурсе городская среда рассматривается в дихотомии «публичное» – «приватное»,

выделяются частные пространства (собственное жильё), публичные («третьи места»), а также промежуточные, частно-/публичные (пространства соседских сообществ). Среди популярных проблем в данном русле часто упоминается нарушение баланса частного и публичного (частичная и коммерциализация городской среды, «кризис публичности» и пр.), что препятствует гармоничному развитию городской среды.

Ещё одной важной темой современных городских исследований, является анализ городских сообществ, как «в определенной степени независимых культурных образований, со своими стандартами, представлениями о должном, о приличиях и о том, что достойно уважения» [8, с. 36]. Формула построения городского сообщества в различных интерпретациях включает в себя три ключевые переменные, такие, как общая территория, люди и их совместные практики, общий временной период. В зависимости от акцента на ту или иную переменную выделяют три стратегии социологического рассмотрения городских сообществ. В первом случае первопричиной формирования сообщества называется общая территория (в частности концепция «третьего места» Рэя Ольднбурга). Г. Ганс и М. Грановеттер придерживаются второй стратегии, описывая сетевую архитектуру городских сообществ, которые «суть сети слабых и сильных связей». В данном случае в дополнение к собственно понятию «сообщество» Грановеттер приводит понятие «чувство сообщества» (*sense of community*), как потенциал для создания сообщества там, где его пока нет [9, с. 43]. И, наконец, третьей линией интерпретации локальных сообществ является рассмотрение их в русле общего временного периода (как правило, прошедшего) – как «сообщества судьбы».

Помимо упомянутых выше публичных пространств и локальных сообществ важное место в современных городских исследованиях занимает так называемый «поворот к материальному» – акцент на физической стороне городской среды (как правило, материальное «тело» города представляется двумя аспектами – архитектура и техника). Городские исследователи начинают активно включать в предмет анализа прежде всего физические (материальные) аспекты городской среды – специфику городской застройки, устоявшиеся практики строительства, использование привычных техник и материалов (возрождение популярности метода картографирования), его цифровую инфраструктуру (теории умных, цифровых городов), интерес к большим данным (как цифровому отражению физической стороны городской жизни). Результатом этого стало появление

новых направлений городских исследований на стыке социологии и естественно-научных дисциплин (чаще всего, географии и геоинформатики) – культурная география, цифровая антропология. Город представляется как «топологически множественный объект, существующий одновременно в сетевом и географическом пространстве, обладающий двумя формами пространственности» [10, с. 273].

Если изначально урбанизация связывалась только лишь с увеличением доли городских жителей в результате миграции сельского населения, то сегодня под этим термином скрываются процессы и тенденции, которые выходят далеко за рамки роста и функционирования городской территории. Исключительно широкое предметное поле городской социологии свидетельствует о том, что фактически, урбанизация сегодня – это социальный процесс, затрагивающий не только города, но и общество в целом, во многом определяющий потенциал его устойчивого развития.

Библиографические ссылки

1. Савченкова В.М. Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический подход: дисс. на соиск. ст. канд. соц. наук: 22.00.01 / Виктория Михайловна Савченкова. М., 2005. 157 с.
2. Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с.
3. Баранский Н.Н. Теоретические подходы к исследованию проблем урбанизированных территорий // Економічний форум. 2011. № 2. С.4-10.
4. Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация и её роль в современном мире // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 3. С. 38-50.
5. Кристал И. Урбанистическая цивилизация и её неурядицы // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. 2014. №X. С. 13-30.
6. Красовский К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ. Брест: УЩ БрГУ им. А.С. Пушкина, 2004. 203 с.
7. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
8. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т.5 №.1. С.73-80
9. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
10. Грановеттер Г. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т.10. № 4. С. 31-51.
11. Вахштайн В. Воображая город. Введение в теория концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 317 с.